

THE EUROPEAN GEOPOLITICAL FORUM

Государства Южного Кавказа и Россия

**Язькова Алла Алексеевна,
Доктор исторических наук,
профессор**

В статье представлены основные аспекты политики России в регионе Южного Кавказа и ее отношений с Азербайджаном, Арменией и Грузией. Рассмотрены основные составляющие этих отношений после распада СССР: энергетический фактор и его воздействие на характер региональной политики РФ в ее взаимоотношениях с США, Евросоюзом и НАТО; политико-этнические конфликты как основа региональной нестабильности

После августовского (2008) вооруженного конфликта ситуация в регионе существенно изменилась. «Пятидневная война» привела к разрыву дипломатических отношений между Россией и Грузией. По разным причинам повысилась заинтересованность региональных держав Турции и Ирана в развитии отношений с Арменией и Азербайджаном и урегулировании конфликта вокруг Нагорного Карабаха. В то же самое время резко возросла «конкуренция трубопроводов», по которым каспийские энергоресурсы уже поставляются или будут поставляться в Европу.

Многовекторность политики государств Южного Кавказа обусловлена самим их геополитическим положением. Находясь на перекрестке многосторонних противоречий крупных мировых держав, они вынуждены сохранять баланс в отношениях с ними. Что же касается России, то решение задач поддержания стабильности на ее южных рубежах, равно как и исторический фундамент отношений с народами Южного Кавказа, диктует необходимость преодоления существующих противоречий в отношениях с государствами Южного Кавказа, с одной стороны, и международным сообществом, с другой.

THE EUROPEAN GEOPOLITICAL FORUM

Кавказский вопрос» издавна играл особую роль в политике России, будучи в свое время острым узлом ее противоречий с Османской империей и Персией, а затем с Великобританией и Францией, Ираном и Турцией. В XIX веке Российская империя вела длительную войну за завоевание Северного Кавказа, сопровождавшуюся массовыми жертвами, а в ряде случаев и поголовным истреблением местного населения. Но, наряду с этим, создавался исторический фундамент отношений с народами Кавказа, тесного, хотя и противоречивого, взаимодействия на различных этапах совместно прожитой истории. Сложившаяся в годы советской власти система отношений между союзным центром и союзными республиками в известной мере предопределила распад СССР. Советский Союз был обречен по многим причинам, но также и потому, что изначально строился и держался на принципах, далеких от признания суверенных прав учредивших его республик, замечают авторы интереснейшей публикации документов о национальной политике коммунистической партии и советского государства¹.

Российская Федерация (до распада союзного государства – РСФСР) переживала в конце 1980-х годов не меньшие трудности, чем остальные районы бывшей «империи». Однако ослабление союзного Центра, все больше воспринимавшегося как «Россия», положило конец идеологической и политической общности национальных и российских элит. В этих условиях закавказские республики первыми попытались вырваться из-под опеки Москвы. Вооруженное подавление проходивших под демократическими лозунгами протестных демонстраций в Тбилиси (9 апреля 1989 г.) и Баку (20 января 1990 г.) сопровождалось поддержкой сепаратизма автономий в Грузии и Азербайджане.

Перекресток многосторонних противоречий

После распада СССР противоречивость российской политики на Кавказе определялась кризисом идентичности российских политических элит, консервативная часть которых взяла курс на поддержку сепаратизма. Политические элиты самих бывших союзных республик также не смогли вписать свою национальную политику в русло заявленных ими демократических преобразований. Это, в свою очередь, способствовало подъему сепаратизма бывших советских автономий (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах), сделавших ставку на поддержку со стороны России. Вооруженные столкновения начала 1990-х годов уже тогда привели к массовым жертвам и депортациям грузин из Абхазии, азербайджанцев - из Нагорного Карабаха и прилегающих к нему территорий.

В грузино-абхазской войне 1992-1993 гг. дислоцированные на Кавказе российские (бывшие советские) воинские подразделения не только передавали оружие абхазской стороне, но, совместно с северокавказскими «добровольцами», активно участвовали в боевых операциях². В то же время политическое руководство РФ прилагало усилия к нормализации отношений с Тбилиси: в феврале 1994 г. был подписан российско-грузинский Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, который, однако, не был ратифицирован Государственной Думой, не поддержавшей неоднократных представлений его на ратификацию Президентом и МИД РФ.

Отношение российской стороны к армяно-азербайджанскому вооруженному конфликту 1992-1994 гг. (в 1994 г. на Бишкекском саммите СНГ воюющей стороной был признан также и Нагорный Карабах) сопровождалось попытками России укрепить свое военное присутствие в Армении и не допустить вовлечения в конфликт Турции и Ирана³. В последующие годы Россия стремилась поддерживать известный баланс в отношениях с Азербайджаном и Арме-

¹ Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? - Москва, Терра, 1992, с.5.

² См. А.Зверев. Этнические конфликты на Кавказе 1988-1994. – Спорные границы на Кавказе. Москва, «Весь мир», 1996, с. 60-61.

³ Там же, с. 34-35

THE EUROPEAN GEOPOLITICAL FORUM

нией, чего нельзя сказать о российско-грузинских отношениях, последовательное ухудшение которых привело к августовскому вооруженному конфликту между Грузией и Россией в августе 2008 года.

Дело, конечно, было не только в поддержке сепаратизма бывших советских автономий. Основные побудительные мотивы российской политики были значительно шире и состояли в том, чтобы ограничить расширение влияния Запада на постсоветском пространстве. Это стало особенно очевидным после того, как в середине 1990-х годов появились реальные перспективы эксплуатации масштабных запасов нефти и газа на морских месторождениях Каспия. Экспертные оценки о размерах запасов нефти и газа Азербайджана варьируются в широких пределах – от 1 до 6 млрд. тонн нефти и от 0,5 до 4 трлн. куб.м газа⁴. Поворотным моментом в разработке основных нефтяных месторождений (Азери, Чираг и Гюнешли) стало подписание «контракта века» с участием 12 ведущих нефтяных компаний из 8 стран мира. В 1996 – 2007 гг. были заключены еще 26 международных контрактов с участием около 40 компаний, в их числе BP, Exxon и российский «Лукойл», получивший 10% в разработке газоконденсатного проекта Шах-Дениз⁵.

Значение нефтяных и газовых ресурсов Черноморско-Каспийского региона существенно возросло после 1994 года, когда международный консорциум приступил к прокладке магистральных нефте- и газопроводов. Это привело и к тому, что для всех трех стран Южного Кавказа стал все более важным поиск собственной ниши в международной экономике и политике. Как подчеркивают Э.Исмаилов и В.Папава, их прогресс, исходя из «малых потенциалов» экономик, предопределен степенью их открытости и темпами их интегрирования в международную экономическую систему⁶.

Для транспортировки нефти первоначально использовались «северный» (Баку – Новороссийск) и «западный» (Баку - Супса), а после запуска в мае 2005 г. «основного», магистрального нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД), в котором контрольный пакет (55,1%) принадлежал Государственной нефтяной компании Азербайджанской Республики (ГНКАР) и Британской BP, борьба вокруг транспортировки каспийской нефти еще более обострилась⁷.

Азербайджан стремится извлечь максимальную пользу также и из своего начавшегося в 2007 году газового экспорта, который затем был бы подкреплён дополнительными возможностями Казахстана и Туркмении. При этом обсуждаются и предложенный Россией с выходом через Черное море на Европу Прикаспийский маршрут газопровода, и раскручиваемый Европейским Союзом и США магистральный проект Nabucco, по трубе которого длиной 3 тысячи км, мощностью 30 млрд. куб.м газа в год Европа рассчитывает получать газ из стран Центральной Азии и Каспийского региона⁸. Газопровод должен пройти по сухопутному маршруту из Азербайджана через Грузию, Турцию, Болгарию, Венгрию и Австрию. В его пользу высказались участники международной конференции на высоком уровне, завершившейся в конце января 2009 г. в Будапеште⁹.

В начале 2010 г. переговорный процесс по альтернативных путей транспортировки каспийской нефти активизировался, при этом на роль одного из ключевых «игроков» в поставках углеводородного сырья на европейский рынок по-прежнему претендует Азербайджан. В пер-

4 Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992-2008). М. «Красная звезда», 2008, с.61

5 Там же, с. 64-65

6 Э.Исмаилов, В.Папава. История, политика, экономика. Москва, 2007. С. 117

7 В.Мишин (Баку). Нефть в конце трубы. Лишь использование Азербайджаном всех своих транспортных маршрутов гарантирует стабильность нефтяного экспорта республики. –«НГ-энергия», 11 декабря 2007 года.

8 В.Мишин (Баку). Газ Азербайджана хочет в Nabucco. Для республики важны не столько энергетическая безопасность, сколько продажная цена своего газообразного топлива. – «НГ-энергия», 11 марта 2008 г.

9 Е.Григорьев. Труба пройдет в обход России. Европейцы высказались в пользу южного газового маршрута Nabucco. – «Независимая газета» 29.01.2009

THE EUROPEAN GEOPOLITICAL FORUM

вых числах июня президенты Азербайджана и Турции подписали пакет контрактов по энергетическим вопросам, в их числе соглашение о закупке Турцией у Азербайджана 6 млрд. куб.м газа с целью их последующей перекачки в Европу. Из последующих заявлений турецких политиков очевидно, что речь в этом случае идет о реализации проекта Nabucco, предполагающего транспортировку газа в европейские страны в обход России. Планируется также реализация проектов ITGI (Турция, Греция, Италия) и TAP (Трансадриатический газопровод)¹⁰. Все они, в случае их реализации, становятся конкурентами российских трубопроводных систем – «Голубой поток» и «Южный поток», перспективы которых осложнились после отказа Болгарии от участия в соответствующих проектах и поддержке проекта Nabucco¹¹ Российской стороне, скорее всего, придется выбирать между поиском возможностей сотрудничества и конфронтацией в условиях, осложненных результатами августовского вооруженного конфликта 2008 г.

Как известно, во время боевых действий в зоне конфликта прекратили функционировать практически все энергетические и коммуникационные проекты, проходящие через территорию Грузии. Встали нефтепроводы «Баку-Тбилиси-Джейхан», не транспортировалась нефть по железнодорожному маршруту «Баку-Батуми», а Казахстан принял решение отказаться от строительства нефтеперерабатывающего завода в районе Батуми.

Версия о нефтяной подоплеке августовского конфликта стала важной темой западных информационных сообщений. Ведущие мировые телеканалы постоянно показывали горящие вагоны с нефтью компании «Azpetrol», и, по оценке ряда экспертов, энергетическая подоплека военных действий вокруг Южной Осетии и Абхазии состояла в том, чтобы, действуя силовыми методами или демонстрируя потенциал их применения, перекрыть возможности транзита энергоресурсов через территорию соседней страны¹².

В то же время сразу же появились новые, альтернативные предложения. Ссылаясь на ряд турецких экспертов и политиков, сотрудник Кавказского Института средств массовой информации С. Минасян полагал, что в создавшихся условиях Армения «могла бы стать альтернативой для прохождения газопровода, идущего на Запад со стороны Каспийского моря по территории Грузии, ставшей ненадежной после российской интервенции», а визит турецкого президента А.Гюля в Ереван «создал рамки кардинально новой политической и коммуникационной ситуации во всем регионе Южного Кавказа»¹³.

Пока еще не преодоленным препятствием для такого переформатирования отношений в южно-кавказском треугольнике остается полярная противоположность позиций Армении и Азербайджана по поводу статуса Нагорного Карабаха. В то же время Азербайджан заявил о своей готовности оказать Грузии экономическую помощь, которая, по мнению руководства Азербайджана, «важнее политических деклараций». В частности, азербайджанская государственная нефтяная компания SOCAR в декабре 2008 года подписала контракт о поставках в Грузию натурального газа по льготным ценам, а также согласилась инвестировать ряд отраслей экономики Грузии¹⁴.

США, Евросоюз, НАТО в фокусе южно-кавказской политики

На протяжении последних двух десятилетий Южный Кавказ оставался в сфере постоянного внимания ведущих мировых держав и их центров - США и Евросоюза. Вторжение США стало заметным уже во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов, при этом американские интересы и цели, несомненно, имеют долгосрочный характер. Как это неоднократно отмеча-

10 «Независимая газета», 09.06.2010.

11 «Независимая газета», 17.06.2010

12 См., например, А.Д.Хайтун. Энергетическая политика России на европейском континенте. Москва, 2008, с. 175

13 С.Минасян. Кавказ после пятидневной войны. - <http://www.newsarmenia.ru/analitics/29.09.2008>

14 Fariz Ismailzade. Baku Emphasizes Economic and Humanitarian assistance to Georgia. – Eurasia Daily Monitor. Volume 5, Issue 238. December 15, 2008.

THE EUROPEAN GEOPOLITICAL FORUM

лось в американских публикациях, решение стратегических задач в этом регионе предполагает необходимость «сдерживания России», но при этом активность соответствующих американских акций напрямую зависит от состояния на данный момент российско-американских отношений и характера политики России на Южном Кавказе. Это же относится и к проблемам регулирования множественных этнополитических конфликтов и трансграничной оргпреступности. По признанию ведущих американских экспертных организаций, их наличие представляет собой прямую угрозу интересам американских нефтяных монополий, поэтому США будут и впредь контролировать ситуацию в нестабильных районах, по возможности взаимодействуя с Россией.

Как, однако, показал опыт российско-грузинского вооруженного конфликта, грузинская сторона явно переоценила степень реальной поддержки со стороны США и тех обещаний, которые раздавал президент Буш во время визита в Грузию в мае 2005 года. По мнению автора статьи в *Financial Times* А.Ливена, «Саакашвили имел основания полагать, что если он начнет войну с Россией и будет терпеть поражение, то США придут к нему на помощь»¹⁵. Однако, как впоследствии выяснилось, вопрос о военном противостоянии с Россией, по оценке той же *Financial Times*, даже и не рассматривался ни США, ни их союзниками по НАТО¹⁶. Впоследствии, однако, стало известным, что в рамках администрации Дж. Буша все же рассматривалась возможность нанесения ударов по российским вооруженным формированиям, вторгшимся на территорию Грузии – шаг, который мог бы возметь катастрофические последствия¹⁷.

В то же время августовские события стали для ряда американских политиков и экспертов отправной точкой для разработки планов и рецептов «противодействия глобальной российской экспансии».

Так, основной посыл опубликованного в январе 2009 года американским Фондом Наследия обширного доклада¹⁸ сводится к тому, что до наступившего глобального финансового кризиса высокие цены на нефть, натуральный газ и металлы, а также торговля оружием «позволили России восстановиться в качестве мировой державы и бросить вызов западному миру». Авторы утверждают, что война с Грузией имела своей целью «силовое восстановление экономического доминирования России на Кавказе и предотвращение появления нефтяных и газовых трубопроводов на территории Грузии вне российского контроля». Поэтому приоритетным направлением политики администрации Барака Обамы должно, по мнению авторов доклада, стать «сдерживание сомнительных шагов России».

Как об этом свидетельствуют документы администрации Барака Обамы, в планы США не входит прямое обострение отношений с Россией в Черноморско-Каспийском регионе, но поддержка суверенитета, территориальной целостности и демократических свобод в странах Южного Кавказа может стать более настойчивой. Согласно заявлению госсекретаря США Хиллари Клинтон, российский военный ответ на действия Грузии «был непропорциональным и противозаконным», как и решение признать Абхазию и Южную Осетию. США могут поддерживать территориальную целостность Грузии, ее экономическое восстановление и демократическое развитие и, в то же время, работать с Россией по вопросам общих стратегических интересов, утверждая демократические принципы международных отношений в противовес устаревшим доктринам «раздела сфер влияния»¹⁹.

15 The Financial Times. 13.08.2008. Анатолий Ливен – профессор кафедры военных исследований лондонского Кингс-колледжа, старший научный сотрудник фонда New American Foundation

16 The Financial Times, 10.08.2008

17 Assessing the “Reset” and the Next Steps for U.S. Russia Policy. - . Samuel Sharap.. April 2010.

18 Ariel Cohen, Ph.D, Lajos F. Scaszdi, Ph.D. Russia’s Drive for Global Economic Power: A Challenge for the Obama Administration. Background, No 2235, January 30, 2009.

19 Questions for the Record. Senator John Kerry. Nomination of Hillary Rodham Clinton. Department of State. Secretary of State, Washington, January 2009, pp. 78-79.

THE EUROPEAN GEOPOLITICAL FORUM

Параллельно с политическим курсом США формируется стратегия постепенного внедрения в южно-кавказский регион НАТО, непосредственно связанная с целями поддержания стабильности на трассах нефте- и газопроводов. Созванное в Тбилиси уже после августовского вооруженного конфликта специальное заседание Совета НАТО не назвало конкретных сроков предоставления Грузии Плана действий по членству (MAP), что было обусловлено разногласиями по этому вопросу между США и ключевыми европейскими странами. Тогдашний генсек НАТО Яаап де Хооп Схеффер также заметил, что «при обсуждении проблем Грузии и перспектив их решения невозможно не учитывать фактор РФ»²⁰.

После августа 2008 года политика США и НАТО на Южном Кавказе сфокусировалась на более длительные сроки, что нашло свое выражение в подписании в Тбилиси документа о создании комиссии Грузия – НАТО (аналог советов Россия – НАТО и Украина – НАТО), а также - еще до прихода новой американской администрации - Хартии о стратегическом партнерстве между США и Грузией. Характерно, что, назвав подписанный документ «символической дорожной картой», «Интернэшнл Геральд Трибюн», тем не менее, усомнилась, будет ли вновь избранный президент Барак Обама поддерживать грузинское руководство с таким же энтузиазмом, как это делала администрация Буша²¹.

Политика Европейского Союза на Южном Кавказе изначально имела преимущественно прагматический характер – Евросоюз был одним из основных инициаторов и инвесторов Евроазиатского транспортного коридора (ТРАСЕКА), который должен связать Европу со странами Центральной Азии, Среднего Востока, Китаем и Японией и обеспечить кратчайшие пути доставки в Европу каспийских энергоносителей. В июле 2003 г. по инициативе Греции была утверждена должность Специального Представителя для Южного Кавказа, подобного тому, как ЕС имеет для России и Украины²². А в 2004 было принято решение о включении южно-кавказских государств в программу «Новое европейское соседство», представляющую собой некую альтернативу включения государств Южного Кавказа, Украины и Молдавии в европейские интеграционные процессы.

Одной из первых акций Евросоюза на Южном Кавказе стала его попытка повлиять на разрешение «замороженных конфликтов» в Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе. Согласно заявленной Специальным представителем ЕС на Южном Кавказе П. Семнеби официальной позиции, ЕС безусловно заинтересован в стабильности в этом регионе, перечисленные конфликты не имеют военного решения, поэтому их урегулирование возможно лишь посредством переговоров конфликтующих сторон, при обязательном участии России²³.

Несмотря на предпринимаемые в рамках Евросоюза и ОБСЕ попытки разрешения «замороженных конфликтов», дело с места не сдвинулось. Во многом это было обусловлено экономическими интересами различных групп элит в конфликтных районах и за их пределами, а также противостоянием консервативных и демократических сил, сложившимся на этапе распада СССР и пока еще не преодоленным на пост советском пространстве. К тому же, международные посредники, в их числе и Россия, каждый исходя из своих интересов, поддерживали одну из конфликтующих сторон и тем самым препятствовали урегулированию конфликта. Весьма существенную роль играют также противоречия между глобальными экономическими интересами международных группировок, стремящихся к контролю над добычей и транспортировкой энергоресурсов, черноморскими портами, транскавказскими магистралями, евроазиатскими товаропотоками, рынками сбыта и инвестициями²⁴.

20 Коммерсантъ, 17.09.2008

21 “The International Herald Tribune” January 10, 2009.

22 The South Caucasus: a challenge for the EU// Chaillot Papers. December 2003, p.159.

23 «Понедельник». Еженедельное издание Южно-Кавказского Института региональной безопасности, № 36, Тбилиси, сентябрь 2006 г., с.1

24 П.Леиашвили.. О значении исследования экономических аспектов пост советских конфликтов // Кавказ & глобализация. Том 1, 2007. С.40.

THE EUROPEAN GEOPOLITICAL FORUM

Сразу же после начала российско-грузинского вооруженного конфликта председатель ЕС Н.Саркози, совместно с президентом РФ Дм. Медведевым и президентом Грузии М.Саакашвили подписал 12 августа план немедленного прекращения военных действий и отвода войск на исходные позиции. Созванный 1 сентября Чрезвычайный Совет ЕС в Брюсселе принял специальный документ по поводу «развязанного Грузией открытого конфликта», приведшего к «насилию и неправомерной реакции со стороны России». В документе осуждалось «одностороннее решение России признать независимость Абхазии и Южной Осетии» и, вместе с тем, выражалась уверенность в том, что Россия сделает свой фундаментальный выбор в пользу взаимопонимания и сотрудничества²⁵. Главы государств и правительств 27 стран ЕС, специально собравшиеся после этого в Брюсселе (раньше они собирались в таком составе только один раз – в 2003 году в связи с начавшейся войной в Ираке) вновь осудили «непропорциональное применение силы против Грузии» и несогласованное с мировым сообществом признание независимости Абхазии и Южной Осетии.

Таким образом, кавказский кризис, а затем и «газовая война» с Украиной поколебали доверие между Россией и ЕС, сделав лейтмотивом дальнейших действий Евросоюза, несмотря на существующие в его среде разногласия, ослабление энергетической зависимости от России²⁶. Это же способствовало продвижению выдвинутой в мае 2008 года инициативы Польши и Швеции о создании новой региональной организации «Восточное партнерство» с участием ряда стран Причерноморья и Южного Кавказа. Эта новая геополитическая конструкция может стать еще одной заявкой на перехват лидерства России на постсоветском пространстве и уже сейчас вписывается в общий контекст восточной политики Евросоюза.

Нагорно-карабахский конфликт ждет своего решения

Оценивая нынешнюю ситуацию в регионе Южного Кавказа, нельзя не указать на несовместимость, по крайней мере, двух характеристик его современного развития: утверждение его роли как транспортного пути каспийских энергоресурсов, с одной стороны, и эпицентра целого ряда «замороженных» этнополитических конфликтов, с другой. К чему это может привести, стало ясным во время августовской (2008) «пятидневной войны», когда под вопросом оказалась безопасность энергетических транспортных коридоров. В этой связи стоит напомнить, что еще в середине 1990-х годов, после абхазско-грузинского конфликта, тогдашние абхазские политики прямо предупреждали руководство международных нефтяных компаний о высоких политических рисках строительства трубопроводов по территории Грузии²⁷. После августа 2008 г. возникли предложения о необходимости альтернативных энерго-транспортных путей через Южный Кавказ, но для их реализации необходимо «разморозить» армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха. И не случайно, что эта проблема уже в августе 2008 г. активно обозначилась в политике региональных и мировых держав.

Сложившимся положением сразу же воспользовалась Турция, усмотрев в нем возможность повышения своей роли в делах Южного Кавказа. В основу дальнейших переговоров по урегулированию конфликта вокруг НКР были положены сформулированные Минской группой ОБСЕ в ноябре 2007 г и обновленные в июле 2009 г. «Мадридские принципы». В обновленном варианте особо выделялась необходимость наделения Нагорно-Карабахской республики промежуточным статусом, идея проведения референдума была отодвинута на второй план. В то же время предполагалось приступить к поэтапному (в разных вариантах) освобождению оккупированных районов Азербайджана, окружающих территорию НКР. В дополнение к «Мадридским принципам» Турцией и Арменией были подписаны Цюрихские протоколы, которые, одна-

25 Council of the European Union. Brussels, 1 September 2008, No 1254/08

26 А.Минеев. Стоит ли торжествовать России после специального саммита ЕС по Грузии? // Новая газета, 04.09 – 07.09.2008

27 См. «НГ-Энергия», 10.02.2009

THE EUROPEAN GEOPOLITICAL FORUM

ко, не были ратифицированы и не вступили в силу из-за отказа Армении увязать открытие границы с Турцией с началом урегулирования конфликта вокруг Нагорного Карабаха.

В конце апреля 2010, после отказа Армении в условленные сроки ратифицировать Цюрихские протоколы, свои посреднические услуги в урегулировании карабахского конфликта предложил Иран, остающийся для Армении главным торговым партнером, а после августовского {2008} конфликта и практически единственным сухопутным путем. Но после очередного обострения «иранской проблемы» и принятия 9 июня Советом Безопасности ООН Резолюции, содержащей пакет новых санкций в отношении ядерных программ Ирана, вопрос отпал сам собой.

Становится все более очевидным, что альтернативой нарастанию напряженности вокруг Нагорного Карабаха могли бы стать прямые переговоры конфликтующих сторон, поддержанных заинтересованными региональными и мировыми державами. Пока неясно, как скоро это станет возможным, но такое решение представляется безальтернативным.

Очередной попыткой внести ясность в позиции возможных международных посредников стала одобренная Европейским парламентом в начале июня Резолюция 2216, содержащая требование «вывода армянских сил из всех оккупированных районов Азербайджана». Тогда же на встрече Президента РФ Д.А.Медведева с канцлером ФРГ Ангелой Меркель было принято решение о совместном поиске путей урегулирования «замороженных» конфликтов. И, несмотря на высокий уровень сотрудничества с Арменией, позиция России по поводу урегулирования конфликта вокруг НКР формулируется в соответствии с согласованными Минской группой принципами. Главное, чтобы процесс продолжался на основе соблюдения территориальной целостности Азербайджана и уважения других основополагающих норм международного права, без применения силы, говорилось в Заявлении МИД РФ от 24 мая, принятом на следующий день после проведения парламентских выборов в НКР.

Что же касается Соединенных Штатов, то, по оценке многих экспертов, выдвижение на первый план задач, связанных с завершением вооруженных конфликтов в Афганистане и Ираке, и известное ослабление американского фактора на Южном Кавказе привели к регионализации «карабахской проблемы». Но это, конечно же, не означает, что в случае вооруженного конфликта западные, прежде всего, американские монополии, владеющие на Южном Кавказе миллиардными энергопроектами, позволят пустить свои капиталы «по каспийским ветрам». О необходимости предотвращения на Южном Кавказе вооруженных конфликтов недавно заявил и генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмунсен.

Все сказанное говорит о том, что решать «проблему Нагорного Карабаха» так или иначе придется. Поэтому важно уже сегодня продумывать варианты этого решения и, что не менее важно, создавать для него предпосылки в общественном мнении конфликтующих сторон.

Перспективы политики России на Южном Кавказе

Импульсивная политика Саакашвили предоставила российскому руководству возможность не только «поставить грузинского президента на место», но и показать, что Россия не намерена далее терпеть «вторжение внешних сил в сферу своих интересов» и будет впредь руководствоваться созданным Западом *прецедентом* Косово. Такого рода решение стало очевидным уже после апрельского (2008 г.) саммита НАТО, где Грузия и Украина, хотя и не получили искомого «Плана действий по членству - MAP», но были в принципе подтверждены перспективы их членства в НАТО. Характерно, что вскоре после этого, во время визита в Москву Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна его внимание было привлечено к тому, что «косовский прецедент негативно сказался на общей атмосфере отношений между Грузией и

THE EUROPEAN GEOPOLITICAL FORUM

Абхазией»²⁸. За этим последовал ряд шагов, направленных на демонстративное сближение Москвы с грузинскими автономиями и нежелание идти на переговоры по этим вопросам с грузинским лидером, что дискредитировало его имидж как «объединителя грузинских земель».

. Согласно утверждениям ряда американских политиков и аналитиков, проблемы безопасности на Южном Кавказе стали после августовских событий 2008 года еще более актуальными, а сам этот регион превратился в один из наиболее спорных в российско-американских отношениях. Понимая, что в целом американская политика на Южном Кавказе была неудачной и даже «провальной», администрация Б.Обамы сосредоточила свои усилия не на противостоянии с Россией по конкретным спорным вопросам, а на поисках их решений.

В более широком контексте политики на Южном Кавказе США предполагают активизировать усилия по разблокированию нагорно-карабахского конфликта, а также более активному привлечению НАТО, возможно при сотрудничестве с Евросоюзом, к обеспечению безопасности энергетической инфраструктуры²⁹, и это выдвигает перед российской стороной многоплановые задачи формирования стратегической линии в этом по многим причинам важным для нее регионе. Рассматривая перспективы отношений России с государствами Южного Кавказа, российский политолог Л.Шевцова справедливо указывала на то, что военный конфликт на Кавказе, приведший Россию к противостоянию с западным миром, а также совпавший с этим мировой финансовый кризис заставляют задуматься о дальнейшей траектории развития самой России и о том, как она отвечает на вызовы, с которыми сталкивается³⁰.

Последние годы ознаменовались преимущественно негативной динамикой экономических отношений России с государствами Южного Кавказа.. Объем экспорта Армении в Россию сократился с 2000 по 2005 год с 15 до 10%, для Азербайджана эти цифры остаются незначительными - 4 и 7%, для Грузии они были несколько выше, но существенно понизились после августа 2008 года. Данные об импорте из России в Азербайджан, Армению и Грузию (до августовского конфликта) соответственно 13, 12, и 15 %. Структура российского внешнеторгового оборота со странами Южного Кавказа оставалась неизменной: более половины экспорта РФ приходилось на поставки энергоносителей, а почти четверть импорта – на продовольственные товары.

Что касается военно-политического сотрудничества с Россией, то в нем задействована лишь Армения, будучи членом ОДКБ. В то же время Азербайджан и Грузия являются членами аккредитованной на международном уровне и признанной в ООН организации «За демократию и экономическое развитие – ГУАМ». Характер и деятельности этой организации негативно оценивается в России, нельзя, однако, не считать с тем, что она признана международным сообществом.

Конфликт с Грузией поставил под сомнение союзнические отношения в рамках СНГ, а по вопросу о признании независимости Абхазии и Южной Осетии ее не поддержал ни один из ее формальных союзников, и это понятно: отказ Москвы от соблюдения принципа территориальной целостности создавал новый, опасный для ряда ее соседей *прецедент*. В результате конфликта Грузия потеряла Абхазию и Южную Осетию, но и Россия надолго потеряла Грузию, отношения с которой еще Российская империя выстраивала на протяжении столетий. Не стоит также забывать и того, что союзнические отношения с Грузией являлись гарантией безопасности южных рубежей России: на сложном участке Северного Кавказа протяженность российско-грузинской границы составляет почти 1 тыс.км.

Выступая на 45-й международной конференции по политике безопасности в Мюнхене, вице-президент США Джозеф Байден предложил «нажать кнопку перезагрузки и пересмотреть

²⁸ МИД, Департамент информации и печати. Сообщение для СМИ о визите Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна в Россию. №483. 14-04-2008. Визит Пан Ги Муна в Россию состоялся вскоре после провозглашения независимости Косово.

²⁹ Там же

³⁰ Л.Шевцова. Конец эпохи: вперед в прошлое. – «Мир перемен», №4, 2008

THE EUROPEAN GEOPOLITICAL FORUM

многие области, где мы можем и должны работать вместе». С этим в принципе согласился и присутствовавший на конференции российский вице-премьер Сергей Иванов, имея, прежде всего, в виду сотрудничество в области ПРО и сокращения стратегических вооружений³¹.

В этой связи не следует забывать и о том, что Каспийско-Черноморский регион по-прежнему остается зоной соприкосновения и столкновения многосторонних интересов России, государств Южного Кавказа и ведущих мировых держав. Решение задач поддержания стабильности на южных рубежах России, равно как и исторический фундамент ее отношений с народами Южного Кавказа, диктует необходимость преодоления существующих противоречий в отношениях с государствами этого региона, с одной стороны, и налаживания в этом регионе сотрудничества с международным сообществом, с другой.

Краткая справка об авторе:

Язькова Алла Алексеевна.

Доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра Средиземноморье-Черноморье Института Европы РАН, действительный член Академии педагогических и социальных наук, эксперт Госдумы Федерального собрания РФ, участник постоянно действующего проекта "Раннее предупреждение и управление этническими конфликтами в процессе социально-политической трансформации России через общественный диалог и образование" (Российский центр стратегических и международных исследований).

Автор свыше 250 научных трудов по проблемам международных отношений в Балканском и Черноморско-Каспийском регионах, отношений России с государствами этих регионов, регулирования политико-этнических конфликтов (сравнительный анализ).

³¹ Независимая газета, 9 февраля 2009